

RU

Формирование новых ценностных ориентиров и проблема пьянства в малых городах Красноярского края в 1920-е годы

Холина М. В.

Аннотация. Цель статьи - выявить в разрезе осуществлявшихся на территории малых городов Красноярского края в 1920-х гг. культурных преобразований, направленных на формирование новых морально-нравственных ориентиров населения, механизмы реализации местной властью антиалкогольной политики Советского государства. Научная новизна заключается в том, что анализируются ранее не опубликованные архивные данные, позволяющие рассматривать вопрос эффективности осуществлявшихся мероприятий в борьбе с пьянством как элементом старого быта с точки зрения отношения к ним (мероприятиям) жителя провинциального малого города. В результате установлено, что, несмотря на активные действия властных органов, направленные на беспрецедентную «переделку» человека, Советскому государству не удалось в исторически короткий промежуток времени в корне поменять мировосприятие людей, изменить их бытовые предпочтения и образ жизни.

EN

Formation of New Value Orientations and Alcohol Problem in Small Towns of Krasnoyarsk Region in the 1920s

Kholina M. V.

Abstract. The research objectives are as follows: to reveal mechanisms for implementing the Soviet anti-alcohol policy in small towns of Krasnoyarsk region in the 1920s in the context of cultural transformations focused on forming new moral and ethical orientations. Scientific originality of the study involves analysing previously unpublished archival materials, which makes it possible to evaluate efficiency of implemented anti-alcohol measures from a provincial's viewpoint. The research findings are as follows: the author shows that, in spite of the authorities' violent efforts "to transform" a human being, the Soviet state did not manage to change people's worldview, everyday habits and lifestyle within a short time period.

Актуальность темы исследования обусловлена отражением жизни российской провинции – малых городов Красноярского края (Енисейской губернии), – переживающей в период 20-х гг. XX века культурные преобразования, осуществляемые советской властью. В период культурных трансформаций в локальных сообществах сильно влияние традиционных общественных и личностных установок жителей малых городов на ход культурных преобразований. С одной стороны, местная власть при проведении преобразований опиралась на существующие в обществе традиционные патерналистские психологические установки взаимоотношений человека и государства. С другой стороны, в стремлении подорвать прежние нормы общественных связей представители региональной и местных властей методично разрушали систему ритуалов, традиций и норм повседневной жизни горожан. В результате проводимые культурные преобразования привели к значительным изменениям морально-нравственных ориентиров населения малых городов.

Между тем не во всех направлениях культурных преобразований новой власти сопутствовал успех. Так, в определенные властью короткие сроки культурной трансформации однозначно «пробуксовывала» линия преобразований, направленная на борьбу со старым бытом и утверждением нового. И если становление системы новых революционных праздников и связанных с ними ритуальных действий, выполняющих задачу вытеснения традиций поверженного строя и формирования качественно иной идеологической платформы для массового сознания, новых ценностных ориентиров, имело успех, то искоренение бытового пьянства оставалось тем препятствием, преодолеть которое советской власти практически не удалось. Исследование направлено на выявление механизмов реализации антиалкогольной политики региональной и местных властей

в их сочетании с общеидеологическим курсом на формирование новых морально-нравственных, ценностных ориентиров населения малых городов в период культурных преобразований 20-х гг. XX века.

В ходе исследования решались следующие *задачи*: определение механизмов воздействия на массовое сознание жителей советских малых городов для приобщения к новой идеологии и новому быту; анализ характера и эффективности мер, направленных на борьбу со старым бытом и пьянством, с опорой на материалы фондов Государственного архива Красноярского края, муниципальных архивов малых городов Ачинска, Енисейска, Канска, Минусинска, краеведческих музеев перечисленных городов.

Достоверность результатов основана на использовании общенаучных и специальных исторических *методов исследования* (сравнительно-исторический, проблемно-хронологический) и привлечении большого объема архивного, статистического материалов, ранее не опубликованных.

Теоретической базой исследования стали труды исследователей разных периодов развития историографии, отражающих тенденции развития локальных сообществ в период культурных трансформаций нового советского общества.

Среди исследователей – современников тех социальных преобразований, которые проводились на территории Енисейской губернии в указанный период, – выделяются работы А. Р. Шнейдер и Л. Н. Добровой-Ядринцевой [45], А. П. Петрова [34], А. Чураева [44]. Для них характерна приверженность жесткой идеологической установке на то, что с утверждением советской власти произошло качественное улучшение жизни населения Сибири, что, в свою очередь, отразилось на социально-демографическом и культурном облике горожан. Данная тенденция сохранялась и в 1930-е – середине 1950-х гг., когда практически отсутствовали исторические исследования по отдельным городам Советской Сибири.

Авторы исследований, относящихся ко второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг., в отличие от работ предшествующего этапа, наряду с очевидными успехами Советского государства в преобразовании социально-культурной среды, стали обращать внимание на издержки социально-культурной политики и преувеличенный характер оценки ее достижений.

Возрождение интереса к периоду нэп вызвало появление исследований по отдельным аспектам жизни советского общества в 1920-е гг. Именно на этом этапе появились первые серьезные монографии обобщающего характера, автором которых был В. Л. Соскин [41; 42]. В исследованиях Л. И. Боженко [5], Ю. Г. Марченко [32], В. В. Рукосуевой [38] предметом изучения стали политико-просветительная работа в 1920-1930-е гг., ликвидация неграмотности, партийное просвещение, печать, библиотечное дело. Повышение интереса к вопросам социального и демографического развития Сибирского региона прослеживается в работах А. С. Московского [33], Ю. А. Полякова [36; 37], К. Е. Климанской [21], Е. Д. Малинина [31], Л. Н. Славиной [39], П. М. Чиркова [43] и др. В исследованиях историков подчеркивались специфика и различия советского и буржуазного образа жизни, городского рабочего класса и жителей деревни. Серия работ была посвящена традициям и праздникам, характерным для советского образа жизни. Между тем в отечественной историографии не были изучены такие проблемы, как история социально-культурной трансформации общества 1920-1930-х гг., взаимоотношения традиционной крестьянской и городской культур, культуры образованного меньшинства и малограмотного большинства.

Деидеологизация исторической науки во второй половине 1980-х – 1990-е гг. повлекла за собой всплеск интереса к городской тематике. В работах исследователей стали освещаться теневые стороны жизни советского города, которые официально просто не могли присутствовать при социализме, являясь «пережитками» дореволюционной России. Об антиобщественном поведении впервые упоминается в работах Г. Л. Смирнова [40]. Н. Б. Лебина приводит факты негативных проявлений, имеющих отрицательную окраску с позиций любого общества: пьянства, наркомании, агрессивного поведения и хулиганства, проституции и самоубийств [27-29]. В соавторстве с А. Н. Чистиковым Н. Б. Лебиной была издана монография, раскрывающая картины повседневной жизни горожан в периоды «больших реформ» (нэп и хрущевское десятилетие) [30].

Освещение белых пятен в жизни советского города способствовало разворачиванию в конце 1990-х гг. дискуссии по проблемам становления нового социокультурного типа горожанина в советском обществе. В. П. Булдаков [6], авторы коллективной монографии А. С. Ахиезер, А. П. Давыдов, М. А. Шуровский [1] подчеркивают преобладание традиционалистской крестьянской культуры, оказывавшей решающее влияние на формирование мировоззрения горожан, в то время как пролетарская культура как неотъемлемая часть городской культуры находилась в 1920-е гг. в стадии формирования. Тем самым исследователи актуализируют собственно процесс трансформации образа жизни.

Несомненную ценность для исторической науки представляют работы сибирских исследователей В. И. Исаева [19; 20], Е. И. Косяковой [22], И. И. Крылова [24], И. С. Кузнецова [25] и др., посвященные трансформирующимся под воздействием радикальной социально-культурной политики советской власти в 1920-1930-е гг. ментальности, образу жизни, городской повседневности.

Исследования А. П. Доброновской [17], Д. Н. Куликовой [26], Т. К. Пипченко [35] затрагивают отдельные аспекты социально-культурных изменений, происходящих на территории Сибири в период 1920-1930-х гг. (образование, общественная активность, досуг, развлечения, религиозность населения и др.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что используемый фактологический материал и сделанные на его основе выводы представляют интерес для научных работников, преподавателей отечественной истории, в том числе для анализа вопросов жизнедеятельности локальных сообществ российской провинции в период культурных трансформаций, происходивших на территории Красноярского края

и Сибири не только в 1920-е гг., но и на других исторических отрезках советского периода. Результаты исследования могут быть использованы для специальных курсов лекций по локальной истории, раскрывающих особенности повседневной культуры «советского человека», истории его взаимоотношений с властью.

Малый город периода 1920-х гг. – административный, экономический и культурный центр небольшой территории – представляется как уникальный социокультурный организм, достаточно инертный, с консерватизмом населения, которое в глубине души оставалось деревенскими жителями с выработанными устойчивыми привычками и нравственными установками. Исследуемые города Ачинск, Енисейск, Канск, Минусинск в указанный период входили в состав Енисейской губернии, между тем всегда находились в пределах границ современного Красноярского края, созданного как административно-территориальная единица позже (в 1934 г.). Все вышеуказанные города являлись уездными центрами.

Малые города Красноярского края в 1920-е гг. в целом переживали поступательное движение, постепенно осваивая элементы городской субкультуры, наращивая возможности культурного развития.

Приоритетным направлением государственной политики являлось повышение культурно-образовательного уровня населения малых городов, изначально являвшегося низким. Деятельность учреждений образования и культпросвета была направлена на ликвидацию безграмотности населения, создание всеохватывающей системы народного просвещения и формирование нового политического мировоззрения советских людей.

Политическая и общественная социализация жителей малых городов происходила в условиях ломки старых и порождения новых традиций, норм, ритуалов. В реализации задачи формирования «нового человека» большое значение придавалось общественной активности, процессу вовлечения советских людей в «общественное строительство». При этом властью использовались различные механизмы воздействия на массовое сознание. Особое место занимали революционные праздники, пришедшие на смену традиционным народным торжествам и религиозным обрядам. Борьба с традициями сопровождалась складыванием системы советских ритуалов, к которым можно отнести исполнение «Интернационала», проведение массовых демонстраций, «портретизацию» вождей, фетишизацию красных флагов и лозунгов и т.п.

Практически все советские праздники и будни сопровождалось общественными работами, выполняемыми жителями малых городов в свое личное время. При этом в общественное сознание вводился образ «активиста-общественника». И на работе, и в свободное от работы время население погружалось в особо созданное пространство «общественного производства». Элементы этого пространства были достаточно четко спроектированы властью: собрания, заседания, займы, «вызовы-самообложения», соцсоревнования, выборы, общественные организации, детское и юношеское движение и т.п. Механизм «добровольности» погружения в это пространство обеспечивался властью посредством точных инструкций, постановлений, предписаний, а затем и репрессивных мероприятий. Отклонение от общественных работ воспринималось как предательство революционных завоеваний и открыто осуждалось. Под влиянием этого пространства выработывалась психологическая модель личности, зависимой от государства, обладающей привычкой к указаниям «сверху», отказывающейся от анализа действий как «верхов», так и своих собственных.

Одним из важнейших механизмов приобщения населения малых городов Красноярского края в 1920-е гг. к новым ценностям, как было указано выше, были революционные праздники. Именно они должны были способствовать формированию коллектива, воспитывать чувство сопричастности, вести к общей великой цели, воспитывать детей и молодежь в романтике будней, за которой просто не замечались серый быт и повседневная рутина строительства социализма. Пафос этой идеи очень четко передан в стихотворении «Мы» некоего А. Люке, размещенного в одном из номеров «Красноярского рабочего» в 1920 г.: «Наше имя – миллионы, наша сила – коллектив. За всемирную коммуну, за свободу наш призыв! Мы усталости не знаем, мы шагаем, мы идем!.. Через грады, через страны Знамя Красное несем!» [23].

После Гражданской войны по мере восстановления мирной жизни, помимо новых революционных праздников, стали возрождаться забытые в годы «военного коммунизма» обычаи празднования «первой полочки», «обмывания» новых побед и достижений на производстве. Помимо производственных поводов, возобновилась и традиция похода в гости по праздникам. При этом пьянство и алкоголизм в новом обществе были объявлены пережитком капитализма и причислены к «социальным болезням», развивающимся на почве социальной несправедливости. Предполагалось, что формирующий новый советский человек и пьянство несовместимы. Между тем население малых городов вовсе не собиралось отказываться от спиртных напитков.

Разрешение на продажу водки, принятое 28 августа 1925 г. (запрет был введен еще в 1914 г. и подтвержден большевиками в 1919 г.), объяснялось высокими целями, и прежде всего необходимостью извлечения оборотных средств для развития экономики собственными силами. Доля от продажи спиртных напитков в государственном бюджете выросла с 2% в 1923-1924 гг. до 12% в 1927-1928 гг. Потребление алкоголя в рабочей среде с 1924 г. по 1928 г. выросло в восемь раз [28, с. 70].

Во многих публикациях о первом десятилетии советского строя превалирует точка зрения о бездействии властей в борьбе с пьянством. Однако совершенно неверно было бы утверждать, что антиалкогольная пропаганда в 1920-е гг. не проводилась. В ходе изучения архивных фондов Государственного архива Красноярского края автору данной статьи удалось обнаружить ряд документов, свидетельствующих о том, что власти предпринимали определенные меры по борьбе с пьянством. Так, циркулярное распоряжение НКВД от 14 декабря 1922 г. «О борьбе с пьянством», направленное всем Губотуправам, призывало не только преследовать установленные случаи пьянства, но и предпринимать превентивные меры, чтобы пресекать всякую возможность его появления.

В качестве административных мер борьбы с пьянством вышеуказанным циркуляром предписывалось карать все виды открытого пьянства и связанного с ним «бесчинства». К числу последних были отнесены появление в пьяном виде на улицах и в общественных местах, распитие в общественных местах, кафе, столовых, ресторанах и т.п. спиртных напитков выше установленной законом крепости, распитие спиртных напитков, хотя и установленной законом крепости, но в публичных помещениях (кафе, буфеты, рестораны и т.п.), которым не предоставлено право отпуска этих напитков, распитие в каких бы то ни было публичных или частных помещениях суррогатов спиртных напитков (самогонка) [18, с. 52].

При этом намерение властей бороться с алкогольным злом «со всею решительностью и суровостью» подтверждается действующим в 1920-е гг. Уголовным кодексом РСФСР, статья 140б которого влекла за собой ответственность за изготовление суррогатов спиртных напитков и спиртосодержащих веществ (самогонка всех видов и т.п.) не только с целью сбыта, но и для удовлетворения собственных потребностей, а статьи 140, 140а УК карали за установленные случаи приготовления спиртных напитков и спиртосодержащих веществ. НКВД требовал от губкомов и облкомов предоставления всех издаваемых обязательных постановлений о пьянстве, а также информации о культурно-просветительных, воспитательно-агитационных мерах по борьбе с пьянством, предпринятых в каждой губернии или области советскими, профессиональными и партийными организациями [Там же, с. 58].

Однако, несмотря на все достаточно жесткие меры властей, предпринимаемые на фронте борьбы с пьянством, страна жила своей привычной жизнью. В 1923 г. внимание милиции Енисейской губернии было направлено на борьбу с самогонварением, которое приняло устрашающие размеры. Согласно сведениям Губернского нарсуда о движении дел о тайном винокурении за январь 1923 г., всего поступило на рассмотрение 3768 дел, из которых рассмотрено по существу – 1798, прекращено – 86. В результате по ст. 140, 140а УК осуждены 80% граждан, проходящих в статусе обвиняемых. Наказание по указанным статьям определялось в виде штрафов, конфискации аппаратов и самогона, а также лишения свободы. И только 20% были оправданы [16, д. 137, л. 9].

Масштабы самогонварения в уездах губернии были внушительными – только в 1924 г. у населения было изъято 1910 самогонных аппаратов из произведенных 3411 обысков [Там же, л. 12]. При этом лидировали Красноярский и Ачинский уезды, за ними следовали Канский, Минусинский и Енисейский уезды.

В ситуации широкого распространения «народных» алкогольных напитков и бессилия власти как-то это ограничить показательными кажутся соображения губинспектора Госспирта «О реализации и распространении водочных изделий для борьбы с самогонкой и увеличения доходов Республики». Губернский инспектор предлагал разрешить продажу спирта на всей территории Енисейской губернии, что, по его мнению, было очень выгодно государству, получающему большие прибыли от его продажи. Инспектор рассуждал так: «На территории Енисейской губернии в винных складах столько спирта (при осуществлении точного надзора за его правильным использованием), сколько хватит на 20 лет, а доходу Республике может принести в виде акциза от водочных изделий 60 тыс. руб., от спирта 30 тыс. руб., что равно 90 тыс. золотом в год. Чистой прибыли от водочных изделий – 18 тыс. руб. Однако распространение водочных изделий в городах Енисейской губернии в данный момент незначительное – до 300 ведер в месяц, 2/3 их которых распространяется в Красноярске. При условии уничтожения препятствий к распространению причины в виде выдачи свободного разрешения на право торговли во всех городах и сельской местности, то сбыт поднимется до 1500 ведер в месяц, следовательно, государство получит 35 тыс. руб. золотом в месяц чистой прибыли» [Там же, л. 16 – 16 об.].

Открытая продажа спиртного, по мнению того же губинспектора, должна была решить проблему самогонварения и пьянства на местах. При этом аргумент об обязательном присутствии на каких-либо праздниках и торжествах выпивки даже не ставился чиновником под сомнение.

В феврале 1924 г. начальник Енисейской угормилиции Чернышев, руководствуясь секретным предписанием Президиума Енисейского уисполкома от 30 января 1924 г., на основании полученных от осведомителей сведений сообщал: «Потребление в г. Енисейске самогона значительно: в течение года потребляется не менее 1000 ведер, и если бы не было надзора милиции, то сбыт и потребление самогонки вырос в 10 раз. В 1923 г. в городе выгнано до 1000 ведер» [Там же, л. 33]. При этом начальником милиции отмечено, что до 40% самогонки никогда не очищается от сивушного масла и имеет противный специфический вкус. Самогонные заводы (аппараты) помещались в банях, подпольях, подвальных помещениях. Социальное положение изготавливающих и сбывающих самогон: бедные – 5%, середняки – 80%, кулаки – 15%. Енисейской угормилицией в течение года было выявлено 26 лиц, реализующих самогон. Средняя стоимость 1 ведра самогонки составляла 4 руб. 20 коп.

Наверняка было бы выявлено еще больше, однако силы местной милиции были ограничены. Протокол заседания президиума Енгоррайкома РКП(б) от декабря 1924 г. приводит данные о том, что в уезде работало всего три милиционера, из них один в городе. В протоколе отмечено: «Самая главная трудность – борьба с самогоном, который льется рекой по Енисейскому району» [15, д. 318, л. 11].

Сводки уездных органов милиции тех лет свидетельствуют об обилии пьяных на улицах городов, о большом притоке самогона, особенно в базарные дни. Уездные органы власти высказывали опасение, что широко развитое тайное винокурение приводит к поглощению колоссального количества хлеба, а это, в свою очередь, приведет к тому, что «с наступлением весны нечего будет не только сеять, но и есть. Как следствие – возникнут воровство, грабежи, бандитизм, что в конечном итоге приведет к дискредитации престижа Советской власти» [16, д. 137, л. 39].

В борьбу с пьянством и самогонварением, дискредитирующими новую власть, включилась и региональная пресса: в 1924 г. в газете «Красноярский рабочий» появилась рубрика «На черную доску пьяниц».

С 1926 г. антиалкогольная пропаганда в стране значительно усиливается, началась активная борьба с пьянством, что явно прослеживается в июньском 1926 г. Постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с пьянством» и в сентябрьском 1926 г. Декрете СНК РСФСР «О ближайших мерах в области лечебно-предупредительной и культурно-воспитательной работы по борьбе с алкоголизмом».

Весной 1927 г. в стране появились первые наркологические диспансеры. Пик антиалкогольной кампании пришелся на конец 1928 – начало 1929 г. Во многих крупных городах специальными постановлениями городских Советов была запрещена торговля спиртными напитками в праздничные дни. В начале 1928 г. было создано «Общество борьбы с алкоголизмом».

Покончить «с пьяными праздниками – наследием старого быта» власти продолжали призывать и в конце 1920-х гг. Пьянство порождало различные криминальные ситуации – драки, погромы, воровство. К примеру, за первый квартал 1927 г. нарсудами Минусинского округа было рассмотрено 198 уголовных дел, из них 127 было совершено на почве пьянства [9]. Неизвестный автор в уездной газете «Ачинский крестьянин», поднимая эту проблему, в стихах изложил существующую проблему деградации населения:

«– Отчего же у Федула скулы в сторону свернуло?
Почему у тетки Феклы поразбиты в окнах стекла?
Почему у дяди Глеба вся семья сидит без хлеба?
– Праздник справляли, водку покупали,
Самогон гнали...» [3].

Вся система советской агитации пыталась донести мысль о том, что алкоголизм и пьянство распространены не в среде тружеников, а в кругу разгильдяев, кулаков и прочих ненадежных «элементов». Пример тому – «побасенка», размещенная в Минусинской уездной газете «Власть труда»:

Повесили носы – и самогонщики, и аппараты...
«Скажите, милые, какие нам утраты!
И самогонку пить не разрешают,
И аппараты отбирают.
Дак где ж, друзья мои, свобода?
Хваленая свобода для народа?
Опять опека над народом!»
Так самогонщики кричали все с задором.
Кулак же им чрез улицу кричит:
«Эх, чудаки! Вы заблудились, – говорит, –
Ведь самогонку пить не разрешают
Лишь потому, что дивиденд Госспирта охраняют!»
«Все это будто бы не так! – прослушав все, сказал бедняк, –
Свобода будет хороша, когда не будет на земле,
Так подсказал умишко мне,
Ни самогонщика, ни кулака!» [10].

Архивные материалы дают основание опровергнуть распространяемое советской властью мнение о том, что пьянство было характерно для старых, отживших свое классов. Можно привести ряд фактов, когда в пьянстве были уличены партийные и советские работники. Председатель и работники сельсовета, члены укомов и советов, профорги, культпросветработники и другие представители разных социальных слоев могли попасть на страницы местных газет под заголовком «Пьяниц подальше!» [2; 4; 7; 8; 11-14]. Пьянство на протяжении всех 1920-х гг. было и оставалось общей бедой, препятствующей нормальной жизни населения как городов, так и деревень.

Выводы. Таким образом, несмотря на активные действия властных органов, направленные на беспрецедентную «переделку» человека, советскому государству не удалось в исторически короткий промежуток времени в корне поменять мировосприятие людей. На фоне относительных успехов в сфере ликвидации безграмотности, формирования системы народного просвещения, приобщения населения малых городов к общественным работам и развития многообразия советского массового досуга в 1920-е гг. на территории малых городов Красноярского края оставалась нерешенной такая старая социальная проблема, как пьянство.

Региональная и местная власти использовали различные механизмы реализации антиалкогольной политики Советского государства: организация преследования пьянства на законодательном уровне, с применением мер от изъятия аппаратов самогонирования и до лишения свободы; проведение воспитательно-агитационных мероприятий, в том числе через средства массовой информации; организация общественного порицания пьянства и дебоширства; введение наркодиспансеров и др. Все эти меры осуществлялись в целях получения прибыли государством в сочетании с отказом от открытой продажи алкоголя либо ограничением на его продажу в период проведения советских праздников и торжеств.

Говоря об эффективности реализуемых властью механизмов борьбы с пьянством, важно учитывать, что население малых городов Красноярского края, развиваясь в условиях перехода от аграрного общества к индустриальному, имело пограничное (маргинальное) состояние, сочетая крестьянский традиционализм и пролетарский радикализм. Это, с одной стороны, значительно ослабляло возможности реализации в отдельно взятом малом

городе, где были сильны традиционные установки, процесса коммунистического воспитания и формирования новых ценностных ориентиров, с другой стороны, способствовало выбору горожанами «согласительской» с государством стратегии поведения.

Список источников

1. Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко Н. Г., Яркова Е. Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. 607 с.
2. Ачинский крестьянин. 1929. 4 января.
3. Ачинский крестьянин. 1929. 5 января.
4. Ачинский крестьянин. 1929. 10 января.
5. Боженко Л. И. Культурно-просветительная работа в Сибири в восстановительный период (1921-1925 гг.). Томск: Издательство Томского ун-та, 1967. 204 с.
6. Булдаков В. П. Красная Смута: природа и последствия природного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
7. Власть труда. 1928. 4 января.
8. Власть труда. 1928. 15 января.
9. Власть труда. 1928. 21 января.
10. Власть труда. 1928. 5 февраля.
11. Власть труда. 1928. 27 апреля.
12. Власть труда. 1929. 20 января.
13. Власть труда. 1929. 1 мая.
14. Власть труда. 1934. 3 апреля.
15. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-4. Оп. 1.
16. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2с.
17. Доброновская А. П. Вера и традиции благочестия у православного населения Енисейской губернии в первой трети XX в. // Енисейской губернии - 180 лет: материалы IV краевед. чтений. Красноярск: ГУНБ, 2003. С. 93-97.
18. Жизнь Сибири. 1923. № 2-3.
19. Исаев В. И. Быт рабочих Сибири. 1926-1937. Новосибирск: Наука, 1988. 240 с.
20. Исаев В. И. Регламентация повседневной жизни горожан Сибири в конце 20-х - 30-е годы [Электронный ресурс] // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34071678> (дата обращения: 23.10.2020).
21. Климанская К. Е. Женщины Сибири в социалистическом строительстве. Томск: Издательство Томского университета, 1976. 204 с.
22. Косякова Е. И. Городская повседневность Новониколаевска-Новосибирска в конце 1919 - первой половине 1941 г.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Омск, 2006. 46 с.
23. Красноярский рабочий. 1920. 28 августа.
24. Крылов И. И. Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921-1929 гг.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Красноярск, 2007. 38 с.
25. Кузнецов И. С. Слепление или прозрение? Социальная психология россиян в 1920-е гг. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII-XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г.: межвуз. сб. научн. тр. / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. С. 138-158.
26. Куликова Д. Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1921-1925 гг.): автореф. дисс. ... к. ист. н. Барнаул, 2004. 42 с.
27. Лебина Н. Б. За последней чертой // Родина. 1994. № 8. С. 69-72.
28. Лебина Н. Б. «Папа, отдай деньги маме...» // Родина. 1996. № 12. С. 69-73.
29. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30-42.
30. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 336 с.
31. Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 165 с.
32. Марченко Ю. Г. Очерки истории культурного развития рабочих Сибири. 1920-1928 гг. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.
33. Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1968. 168 с.
34. Петров А. П. Перепись городского населения Сибири. 1926 г. // Советская Азия. 1927. № 3. С. 37-42.
35. Пипченко Т. К. Социально-политическая жизнь городов Восточной Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края и Иркутской области): автореф. дисс. ... к. ист. н. Иркутск, 2005. 42 с.
36. Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 511 с.
37. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторический аспект) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125-132.
38. Рукосуева В. В. Культурно-просветительная работа в Красноярском крае в годы довоенных пятилеток. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1969. 239 с.
39. Славина Л. Н. Миграция населения на территории Сибири в годы восстановления народного хозяйства (1920-1926 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни: сборник статей. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1977. С. 51-69.

40. Смирнов Г. Л. Советский человек. М.: Политиздат, 1972. 180 с.
41. Соскин В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921-1923 гг.). Новосибирск: Наука, 1971. 350 с.
42. Соскин В. Л. Советская массовая культура: у истоков (1917-1927 гг.). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 150 с.
43. Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937). М.: Мысль, 1978. 179 с.
44. Чураев А. Л. Население Восточной Сибири. М. - Иркутск: Огиз, 1933. 76 с.
45. Шнейдер А. Р., Доброва-Ядринцева Л. Н. Население Сибирского края. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. 112 с.

Информация об авторах | Author information

Холина Мария Валерьевна¹, к. ист. н.

¹ Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

Kholina Maria Valerievna¹, PhD

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev

¹ mvkholina@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.09.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): малые города; культурные трансформации; массовое сознание; борьба с пьянством; small towns; cultural transformations; mass consciousness; struggle against alcoholism.